

Воспоминанія стараго педагога ¹⁾.

Обращусь лучше къ тогдашнему положенію Кіевской первой гимназіи. Эта старѣйшая въ Кіевѣ гимназія, открытая въ 1812 г., находилась въ то время въ такомъ же броженіи, какъ и Черниговская; но въ Кіевѣ дѣльцы учителя—поляки успѣли русское броженіе эксплуатировать для своихъ враждебныхъ Россіи цѣлей.—Прежде всего они успѣли провести даже въ средѣ высшей учебной администраціи убѣжденіе, что русская педагогія держится на плечахъ пановъ—добродѣевъ великихъ педагоговъ. Къ раепространиенію такого, въ сущности неосновательнаго мнѣнія, послужило то обстоятельство, что въ единственныхъ двухъ въ то время въ Кіевѣ гимназіяхъ было дѣйствительно нѣсколько выдающихся преподавателей польскаго происхожденія. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались весьма ловкими и вкрадчивыми, умѣющими пускать пыль въ глаза начальству и втираться въ его довѣріе. Все это дѣлалось не безъ цѣли. Въ то время имъ нужно было усыпить бдительность начальства, чтобы легче было подготовить изъ молодежи послушное орудіе польской sprawy. Я однако, будучи хорошо знакомъ со всѣми польскими тенденціями еще въ университетѣ, скоро разобралъ въ чемъ дѣло и сталъ на сторожѣ русскихъ интересовъ. Видя это, мои антагонисты постарались сформировать сильную оппозицію противъ меня въ совѣтѣ гимназіи, привлекая и русскихъ, попавшихъ въ ихъ сѣти. Началось для меня тяжелое время. Я ясно видѣлъ, что учителя поляки своимъ популярничаньемъ съ учениками съ одной стороны и ловкимъ обращеніемъ съ товарищами съ другой, стараются только усилить

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Декабрь 1911 г.

свое вліяніе въ гимназїи съ тою цѣлью, чтобы разрушить всякую дисциплину и порядокъ въ заведенїи и тѣмъ подготовить почву для всякихъ безпорядковъ и, наконецъ, для самаго возстанїя. Почти два года я боролся съ этими господами, умѣвшими дѣйствовать не прямо, а разными подпольными путями. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ за это время сошли со сцены два попечителя: успѣвшій не понравиться высшей мѣстной администраціи Николай Ивановичъ Пироговъ и затѣмъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, вызванный на высшій постъ товарища министра народнаго просвѣщенїя. Явился изъ Петербурга новый попечитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте.

Быстрая перемѣна попечителя округа не осталась безъ вліянія на жизнь учебныхъ заведенїй. Въ особенности рѣзко это вліяніе обнаружилось на Кіевской 2 гимназїи. Благодаря стеченїю разныхъ обстоятельствъ, тамъ поднялся въ полномъ значенїи бунтъ противъ директора, только что назначеннаго по представленїю барона Николаи. Этотъ бунтъ, можно сказать, былъ пробнымъ шаромъ массоваго движенїя молодежи противъ распоряженїя правительства. Дѣло было такъ:

Въ 1860 г. Пироговъ представилъ къ увольненїю директора 2 гимназїи Н. М. Гренкова, извѣстнаго дѣятеля прежней школьной системы, опиравшейся на розгу. Министерство уволило Гренкова. Но прїѣхалъ на мѣсто Пирогова главный попечитель баронъ А. П. Николаи; добрые люди увѣрили его, что Пироговъ уволилъ Гренкова несправедливо, и что этотъ старый служака, уже окончившій 25 лѣтъ службы, можетъ съ честью подвизаться снова на томъ же поприщѣ. Баронъ внялъ такимъ голосамъ, велѣлъ представить Гренкова, и министерство снова утвердило его директоромъ Кіевской 2-й гимназїи. Можно себѣ представить, какое непрїятное впечатлѣніе это распоряженїе должно было произвести на учителей той гимназїи и на М. К. Чалаго, исправлявшаго должность директора почти въ теченїе года и сильно поджидавшаго получить вакантное, насиженное мѣсто. Драпируясь оскорбленною невинностью и либерализмомъ, они вопїали и въ обществѣ, и въ гимназїи противъ появленїя Гренкова въ должности директора. Вопли эти не были гласомъ въ пустынь и проникли и въ общество учащихся, предъ которыми педагоги не стѣснялись ругать Гренкова. Результаты оказались весьма печальные. Едва Гренковъ появился въ гимназїи, какъ со всѣхъ сторонъ раздался свистъ. Огорченный такой встрѣчей, начальникъ старался успокоить молодежь, но все напрасно. Инспекторъ Чалый и весь педагогическій персоналъ гимназїи, не сочувствуя директору, были нѣмыми зрителями буйства

молодежи, предоставивъ Гренкову самому лично справляться съ волненіемъ. Мало того, Чалый поспѣшилъ исходатайствовать себѣ отпускъ и выѣхалъ изъ Кіева. Тогда безобразія молодежи дошли до высшей степени. Гренкова чуть не побили при появленіи въ гимназію, такъ что онъ едва убѣжалъ въ инспекторскую. Дѣло дошло до попечителя. Баронъ поручилъ М. А. Тулову произвести разслѣдованіе скандала, а въ помощь ему нарядилъ комиссію изъ учителей бунтующей гимназіи. Комиссія поставила оригинальный вопросъ: кого оскорбляли ученики своимъ поведеніемъ: директора своего начальника, или Гренкова, какъ частное лицо. Ученики, разумѣется, отвѣтили, что они ничего не имѣютъ противъ директора и признаютъ его власть, а недовольны Гренковымъ. Произведенъ милостивый, но несправедливый судъ. Гренковъ чуть не побитый признанъ виновнымъ и уволенъ, наказано и нѣсколько учениковъ. Чалый превознесенъ комиссіею до небесъ въ представленіи попечителю, но тѣмъ не менѣе все-таки не получилъ должности директора 2 гимназіи, которой тщетно ожидалъ въ теченіе года.

Вспоминая эти печальныя событія, невольно задаешь себѣ вопросъ, кто виноватъ во всей этой исторіи? Виноватъ прежде всего Гренковъ, который, не испытавши броду, покунулся въ воду. Виновато начальство, поспѣшившее назначить его на мѣсто, на которомъ онъ не былъ желателенъ и въ то время, когда тамъ уже угнѣздился Чалый. Виноваты педагоги, сторонники Чалаго, возбуждившіе агитацію противъ Гренкова. Но болѣе всего виноватъ, по нашему мнѣнію, Чалый, временно управлявшій бурной ладьей—Кіевской 2 гимназіей, который, предвидя неизбѣжные беспорядки въ заведеніи, не двинулъ пальцемъ, чтобы остановить бурю и поспѣшилъ удалиться изъ Кіева. Какъ инспекторъ гимназіи, онъ обязанъ былъ употребить все свое вліяніе и на учителей, и на учениковъ, чтобы предупредить скандалъ, деморализующій заведеніе. Тѣмъ не менѣе Чалый, несмотря на двусмысленную роль, разыгранную имъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ, по ходатайству Тулова получилъ повышеніе: назначенъ директоромъ Бѣлоцерковской гимназіи. Чалый и его партія смотрѣли на это какъ на ссылку невиннаго человека. Но мы полагаемъ, что эта ссылка была слишкомъ почетною для такого дѣятеля, который подобно своему однофамильцу Саввѣ Чалому превосходно сыгралъ свою роль въ руку поляковъ, готовившихся въ то время къ рухавкѣ. Они были очень обрадованы рухавкой Кіевской 2 гимназіи и долго указывали на нее, какъ на доказательство несостоятельности русскихъ порядковъ.

X.

Польская смута.—Университетъ дѣлается главнымъ очагомъ смуты—Демонстраціи.—Обвиненія, направленные противъ меня.—Назначеніе меня директоромъ Кіевской 1-й гимназіи.

Интересно прослѣдить совершенно объективно полную интригу теперь, сорокъ лѣтъ спустя, когда страсти нѣсколько уже улеглись, когда я совершенно спокойно могу припоминать всѣ перипетіи этой смутной эпохи.

Главный источникъ смуты и всѣхъ тогдашнихъ движеній было ненормальное положеніе дѣлъ или лучше броженіе въ самомъ русскомъ обществѣ и его полнѣйшій непотизмъ и неспособность дать отпоръ нелѣпымъ польскимъ претензіямъ того времени. Въ какіе-нибудь два, три года университетъ былъ неузнаваемъ. Всѣ дисциплинарныя требованія порядка признаны несовременными и отвергнуты: уничтожена форма, уничтожено всякое вліяніе какого бы то ни было начальства.—Студенты очутились свободными гражданами. Они раздѣлились на кружки и партіи, которые начинаютъ заправлять всѣми дѣлами—сначала своими студентскими, а потомъ берутъ въ руки и политическія движенія. Они дѣйствуютъ помимо всякихъ законовъ и начальства. Самый главный кружокъ польскихъ студентовъ состоялъ изъ ярыхъ польскихъ патріотовъ-революціонеровъ изъ породы красныхъ. Мало-по-малу эти красные успѣли занять господствующее положеніе въ средѣ польской молодежи. Второй кружокъ бѣлыхъ, т. е. кружокъ сторонниковъ отбудавастья Польши въ будущемъ; держался онъ въ сторонѣ, хотя при случаѣ не прочь былъ помогать краснымъ, если не самымъ дѣломъ, то полнѣйшимъ сочувствіемъ. Нѣсколько особнякомъ стоялъ польскій кружокъ, подъ названіемъ „Сичь“. Это поляки украинофилы, мечтавшіе о возстановленіи польской Украины въ духѣ польской цивилизаціи и польскихъ вождедѣній. Кружокъ этотъ любезно протягивалъ руку украинофильскому кружку изъ малороссовъ, имѣвшему большое вліяніе на студентскія дѣла. Состоялись даже предварительныя совѣщанія о сліянніи кружка русскаго украинофильскаго съ партією „Сичь“, но на первыхъ же порахъ делегаты поссорились изъ-за будущихъ границъ Польши и Маллороссіи, вслѣдствіе чего попытка соединенія на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско ¹⁾.

¹⁾ Огноршенія между польскими и русскими украинофилами обострились еще болѣе по случаю погребенія Т. Г. Шевченка, вслѣдствіе довоса поляковъ, возбудившаго подозрительность администраціи.

Дѣло окончилось офіціальнымъ протестомъ противъ польскихъ притязаній со стороны русскихъ студентовъ, протестомъ, поданнымъ Пирогову. Удаленіе Пирогова, сопровождавшееся большими оваціями, дало впрочемъ другой оборотъ общественному настроенію молодежи. Самые ярые оппоненты поляковъ, которые, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы составить надежный противовѣсъ всѣмъ послѣдовавшимъ затѣмъ польскимъ интригамъ въ средѣ молодежи университетской, замкнулись сами въ себѣ или примкнули къ партіи „Молодой Россіи“, начавшей уже формировать свои кадры для борьбы съ правительствомъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ можно объяснить сильную оппозицію въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи противъ замѣстителя Пирогова—барона Николай и тотъ рядъ подметныхъ писемъ угрожающаго свойства, которыя обыкновенно подбиралъ утромъ швейцаръ Кіевской гимназіи и доставлялъ мнѣ. Этимъ вполне разъясняется также то буйное настроеніе польской партіи, партіи ничтожнаго меньшинства, среди тысячи русскихъ студентовъ, какъ бы наложившихъ на себя печать молчанія. Нѣчто подобное представляло и русское общество, которое спокойно и безучастно смотрѣло на все окружающее. Въ средѣ педагогической всѣ такъ называемые либералы были непрочь поддерживать партію недовольныхъ, лишь бы составлять оппозицію начальству.

Въ такомъ положеніи были кіевскія дѣла, когда въ Варшавѣ начались демонстраціи, закончившіяся кровопролитіемъ и бунтомъ. Въ это время образовался въ Варшавѣ тайный жондъ польскій чуть-ли не изъ студентовъ, едва вышедшихъ изъ-за скамьи. Тѣмъ не менѣе этотъ, въ сущности ничтожный, жондъ быстро приобрѣтаетъ громадное вліяніе во всѣхъ бывшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой: въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Орудіемъ силы тайнаго скопища является терроръ, который заставляеть замолчать всякій голосъ благоразумія. Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, среди тысячъ русскаго православнаго населенія, нѣсколько сотъ уроженцевъ юго-западнаго края, ополяченнаго путемъ насилія, самозванно выступаютъ представителемъ польскаго общества и производятъ цѣлый рядъ демонстрацій на манеръ варшавскихъ, объявляютъ Кіевъ польскимъ городомъ, формируютъ банды и, наконецъ, выступаютъ бить русскихъ. Явленіе это въ высшей степени курьезно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и можетъ быть объяснено слабостью и ненаходчивостью высшей администраціи края. Бывшій генераль-губернаторъ князь Васильчиковъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но по самой натурѣ своей неспособный на энергическій способъ дѣйствія. Не болѣе доблести

могъ оказать и назначенный по смерти Васильчикова старикъ уже дряхлый, Анненковъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько фактовъ, вполне иллюстрировавшихъ направленіе и дѣятельность тогдашней высшей администраціи края.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію польскихъ демонстрацій и отношенія къ нимъ высшей администраціи края, скажу нѣсколько словъ о моемъ личномъ положеніи. Въ самомъ разгарѣ произведенной мною реформы пансіонскаго хозяйства экономъ-полякъ и состоящіе съ ними въ близкомъ отношеніяхъ воспитатели-поляки стали распространять превратные слухи о моей строгости, о притѣсненіи подчиненныхъ и т. п.¹⁾ Они не остановились даже предъ самыми грязными обвиненіями и инсинуаціями и старались распространять самые нелѣпыя слухи въ такомъ направленіи. Но нелѣпость такихъ слуховъ была слишкомъ очевидна и доказывалась слишкомъ ясными фактами. Тогда мои оппоненты начали распространять слухи о моей жестокости. Выдумывали самыя бессмысленныя обвиненія, которыя могла только изобрѣсть богатая польская фантазія. Такъ рассказывали, что я запираю дѣтей въ темныя подвалы, въ карцеры, въ которые не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ; велю сѣчь дѣтей, посоливши розги, затѣмъ, чтобы не видно было слѣдовъ наказанія, велю обворачивать ихъ простынями. Напрасно люди болѣе знакомые съ заведеніемъ опровергали такія нелѣпости. Паны добродѣи внимательно и важно выслушивали возраженія и доводы; но все-таки оставались при своемъ мнѣніи.

Но скоро польская смута такъ быстро разрастается и такъ охватываетъ всю жизнь интеллигентнаго общества, что всякія личныя обвиненія теряютъ значеніе. По удаленіи Пирогова, польская агитація постаралась это увольненіе по прошенію представить въ смыслѣ враждебной обществу реакціи и всячески эксплуатировала его въ пользу польской sprawy. Началась подпольная агитація по всѣмъ правиламъ искусства, которымъ, нужно признаться, владѣютъ

¹⁾ Замѣчательно, что въ то время, когда въ польскихъ кружкахъ распространялись слухи о моей жестокости, въ либеральныхъ русскихъ кружкахъ толковали о моей слабости. Эти толки дошли и до М. К. Чалаго, который въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что я и директоръ А. К. Долленъ распустили гимназію, хотя и приводятъ въ доказательство факты, случившіеся въ Кіевской 1 гимназіи за годъ до моего назначенія при инспекторѣ князѣ Дабижѣ. Что обвиненіе Чалаго лишено всякаго основанія, можно убѣдиться изъ того, что со времени моего назначенія инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи во второй половинѣ 1860 г. и во все время моего инспекторства, до 1862 г. въ то время, когда во 2 гимназіи и въ университетѣ были безпорядки, въ первой гимназіи не было ни одного случая рѣзкаго нарушенія дисциплины.

поляки въ совершенствѣ. Начались сначала подметныя письма, угрозы и предостереженія и затѣмъ демонстраціи. Замѣчательное явленіе представлялъ Кіевъ въ это время. Городъ, въ которомъ болѣе 200 т. православнаго населенія, благодаря нѣсколькимъ сотнямъ польскихъ недорослей, торжественно объявляется польскимъ городомъ и дѣйствительно дѣлается позорищемъ польскаго фанатизма. Нѣсколько сотенъ университетской молодежи, руководимые воспитателями-поляками, дерзко буйствуютъ среди бѣла дня и буйствуютъ почти безнаказано. Первая и самая, можно сказать, дерзкая демонстрація состоялась въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1862 г. Польскіе студенты, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ополяченныхъ русскихъ и евреевъ, сдѣлали сходку возлѣ университета, построились въ ряды и торжественно прошли чрезъ весь городъ въ городской костелъ. Тамъ избили до полусмерти полицейскаго пристава, распорядившагося возлѣ костела, и, пропѣвъ въ костелѣ свои гимны, въ такомъ же порядкѣ, какъ пришли въ костелъ, возвратились въ университетскій залъ, разбили шкафъ, въ которомъ вывѣшивались объявленія отъ начальства, изорвали правила университета и спокойно разошлись по домамъ. Странное дѣло! При всѣхъ этихъ безобразіяхъ власти какъ бы ступевались. Трудно рѣшить вопросъ, былъ ли то страхъ предъ разъяренной толпой, или просто умышленное поущеніе, съ цѣлью выяснить себѣ все безобразіе демонстраціи. Но какъ бы то ни было, бездѣйствіе власти при первой явной дерзости польской молодежи имѣло весьма дурныя послѣдствія. Благодаря слабости русской власти начали распространяться въ городѣ слухи, что русское правительство боится поляковъ и готово на всѣ уступки. Многіе повѣрили такой нелѣпости и начали либеральничать на тему снисхожденія. Такой взглядъ преобладалъ и между членами педагогическаго совѣта Кіевской 1 гимназій. Я однако смотрѣлъ весьма серьезно на демонстрацію, какъ на прелюдію къ возстанію, и потому рѣшился твердо вооружиться всѣми силами власти и не допустить учениковъ къ участію въ демонстраціяхъ. Въ такомъ направленіи я велъ дѣло, внушая ученикамъ, что участіе ихъ въ демонстраціяхъ будетъ имѣть для нихъ самыя серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ въ городѣ пошли слухи, что готовится вторая демонстрація, въ видѣ поминокъ по инсургентамъ, убитымъ въ Варшавѣ.

Ко мнѣ обратились ученики еще за два дня до этой демонстраціи и просили дозволить имъ отправиться въ городской костелъ. Я категорически отказалъ и строго приказалъ ученикамъ - полякамъ быть въ этотъ день въ гимназической каплицѣ. Нѣкоторые изъ учителей начали возражать противъ моего распоряженія, но я рѣ-

шително заявлъ, что двери гимназіи будутъ заперты, что я буду у дверей, и что ученики только по мнѣ могутъ выйти изъ зданія. Не такъ разсудило высшее начальство. Посовѣтовавшись съ главными властями, оно секретно и словесно приказало отвести учениковъ въ университетскій костелъ. Эта полумѣра повела къ тому, что я долженъ былъ отмѣнить мое распоряженіе. Ученики съ надзирателями и педеями отправлены въ университетъ; но старшіе ученики, замѣшавшись въ ряды студентовъ, вопреки распоряженію, отправились въ городской костелъ, гдѣ именно готовилась демонстрація. Пришлось наказывать за ослушаніе; но либералы или лучше моя оппозиція постаралась до того обѣлить поступокъ учениковъ, что рѣшили ограничиться однимъ выговоромъ ученикамъ, мои же заявленія о серьезномъ значеніи ослушанія въ данномъ случаѣ остались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Между тѣмъ послабленіе учащейся молодежи, допущенное самими властями, подало поводъ къ цѣлому ряду самыхъ строгихъ приказаній со стороны тѣхъ же властей о недопущеніи участія учащихся въ демонстраціяхъ. Но дѣло уже зашло такъ далеко, что остановить движеніе нельзя было никакими приказами; требовались мѣры рѣшительныя—это исключеніе и удаленіе молодежи изъ города, но никто не считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Между тѣмъ броженіе умовъ быстро усиливалось. Университетская молодежь, которая имѣла большое вліяніе и на младшее поколѣніе или на гимназистовъ, начала готовиться къ возстанію. Одни лили пули, другіе обучались верховой ѣздѣ, третьи занялись вербовкой повстанцевъ. Но все это дѣлалось тайно, подъ прикрытіемъ законной фирмы. Обнаружить или придраться къ подпольной дѣятельности было невозможно. Ходили только темные слухи, а по наружности все притихло.

Энергическій образъ моихъ дѣйствій во время польскихъ демонстрацій не мало способствовалъ къ тому, что я нажилъ враговъ. Они старались вредить моей репутаціи и въ особенности успѣли вооружить противъ меня человека мнѣ незнакомаго, но весьма вліятельнаго въ кievскомъ образованномъ обществѣ. Это былъ инспекторъ института и профессоръ университета Виталій Яковлевичъ Шульгинъ, впоследствии даже породнившійся со мною и хорошій знакомый, но во время польскаго возстанія еще мнѣ незнакомый. Послѣдствія предубѣжденія противъ меня Шульгина въ то время въ особенности обнаружались при моемъ назначеніи директоромъ Кіевской 1-й гимназіи, почти совпадающемъ съ эпохой польскаго возстанія. Дѣло въ томъ, что когда попечитель Витте обратился къ Шульгину съ предложеніемъ занять мѣсто директора 1-й гимназіи,

то онъ, не будучи еще знакомымъ мнѣ, поставилъ условіемъ пріятія предложенія мое удаленіе изъ гимназіи. Витте пригласилъ меня и предложилъ мѣсто директора въ Ровенской гимназіи. Но такъ какъ въ г. Ровно не было женскаго учебнаго заведенія, и я не имѣлъ возможности тамъ воспитывать своихъ дѣвочекъ, то на третій день, явившись къ Витте, отказался принять его предложеніе. Тогда попечитель пустился въ откровенность и объяснилъ поводъ къ его предложенію; я же съ своей стороны объяснилъ, что я не имѣю чести знать г. Шульгина, и что его предубѣжденіе противъ меня могло быть только внушено моими врагами. Витте призадумался и вслѣдъ затѣмъ просилъ меня занять мѣсто директора первой гимназіи, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что ему крайне не нравится условіе, поставленное г. Шульгинымъ. Такъ я сдѣлался директоромъ Кіевской первой гимназіи въ 1862 г. въ самую смутную эпоху, за полгода до начала польскаго возстанія въ Кіевѣ, или лучше до выхода изъ Кіева банды инсургентовъ въ 1863 г.

А. Ѡ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

